

Подделка исторических документов, ложь со ссылкой на «свидетельства очевидцев» — давно отработанные, испытанные приемы фальсификаторов истории. Но вот чтобы целиком сотворить фальшивую личность, совершить подлог, выдавая одного человека за другого, — такого изощренного клеветнического изобретения история иудейской ненависти к христианскому государству прежде не знала.

Григорий Распутин был ненавистен ненавистникам Государя, в Григория Ефимовича целили, чтобы расчетно попасть в Царскую Семью, в само Самодержавие. В ход были пущены наглая клевета на Старца и фальсификация его личности. Интеллигентное общество в России было охоче до слухов, им верили даже больше,

Григорий Распутин

чем газетам. Даже адмирал Колчак осуждал Государя за Распутина, хотя сам Колчак Старца не видел ни разу, и вот характерный пример, в бытность своей службы на Тихоокеанском флоте адмирал, по его словам, едва сумел подавить офицерский бунт в ответ на распространившийся слух о том, что Распутин прибыл во Владивосток и желает посетить военные корабли. Колчак и сам негодовал на Распутина за это намерение, но вскоре выяснилось, что слух был ложным, Григорий Ефимович во Владивостоке не был. Но отвращение к Старцу после этого случая у Колчака, по его собственному признанию, сохранилось (1).

Неприятно, по одним только пиртерским слухам и сплетням, описывает Распутина и французский посол Морис Палеолог, пересказывая всевозможные вымыслы, хотя сам видел Григория Ефимовича лишь *единожды* в гостях у графини Л. И об этой встрече француз не мог сказать ничего дурного, только и успел рассмотреть «мужика с пронзительными глазами», который, глянув на самонадеянного француза, с сожалением произнес: «Везде есть дураки» и вышел. Палеолог не отнес этой фразы к себе, потому пересказал ее с летописной точностью.

Кому и почему был ненавистен Григорий Ефимович? Кому и чему мешал старец? За что его ненавидели?

В 1912 году, когда Россия готова была вмешаться в балканский конфликт, Распутин на коленях умолил Царя не вступать в военные действия, и конечно же, молил Бога склонить к этому сердце Государя. По свидетельству графа Витте, «он (Распутин) указал все губительные результаты европейского пожара, и стрелки истории повернулись по-другому. Война была предотвращена» (2). Силы молитвы Распутина так страшились, что разжигатели войны, в которую нужно было втянуть Россию, чтобы, по словам Энгельса, «короны полетели в грязь», так вот, разжигатели войны при новой попытке раздуть пожар мировой бойни решили убить Григория Ефимовича в тот же день и час, что и австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараеве, смерть которого явилась подготовленным поводом для начала войны. Распутина тогда тяжело ранили и, пока он был в беспмятстве и не мог молиться, Государь *принужден* был начать всеобщую мобилизацию в ответ на объявление Германией войны России. Чувяли, понимали враги России всю угрозу, исходящую от Распутина, для своих разрушительных антисамодержавных, антирусских планов. Недаром Пуришкевич от лица всех ненавидевших Самодержавную Россию выкрикнул с думской трибуны о главном препятствии к свержению Трона: «Пока Распутин жив, победить мы не можем» (3).

А был Григорий Ефимович Распутин смиренным молитвенником, убежденным, что вся его благодатная сила есть вера в Господа тех, кто просит его молитв. Сугубо земные пути привели Григория Ефимовича в 1904 году в Санкт-Петербург испросить разрешение на строительство Церкви Покрова Божией Матери в родном селе Покровском. Тогда только-только родился Наследник-Цесаревич, и его

Царственным родителям ясно обозначилась необходимость ежечасной молитвы к Богу о спасении жизни ребенка. Оглядывая круг возможных наследователей Императорской власти в России, Государь не мог не сознавать, что не было в государстве тех надежных рук и того чистого, горячо верующего сердца, которому можно было бы со спокойствием совести передать Россию.

В маленьком Алексее Николаевиче, дарованном Царской Семье по молитвам Преподобного Серафима Саровского, были сосредоточены все надежды Государя на благополучие горячо любимого им народа России. Это был истинно «солнечный лучик» — добрый и светлый ребенок, великое утешение Семье, трепетавшей от одной мысли о том, что он может угаснуть. По молитвам святых дарованный младенец и сохранен мог быть только молитвой святого, тем более что болезнь его — гемофилия — была мучительной, внезапно являвшейся, очень опасной, но не неизбежно смертельной, и уже сыновья царевича Алексея были бы абсолютно здоровым поколением. И Господь послал Царской Семье молитвенника о здоровье Сына.

Григория Ефимовича Распутина представляют Государю в октябре 1905 года. Григорий Ефимович, по особому к нему Божию откровению, еще при первой встрече с Государем и Государыней осознает особое свое предназначение и всю свою жизнь посвящает служению Царю. Он оставляет странствование, живет по долгу в Петербурге, собирая вокруг себя верных Государю людей, а главное, он — при малейшей опасности маленькому — рядом, ведь его молитва за Царевича явилась, возможно, что и неожиданно для него самого, угодной Богу, слышимой Им. А это действительное молитвенное заступление за Царевича было для Государя видимым знаком того, что в самые тяжкие времена его царствования послан от Бога духовный помощник Царскому служению. Как говорила сестра Государя в.к. Ольга Александровна, Царь и Царица «видели в нем крестьянина, искренняя набожность которого сделала его орудием Божиим» (4, с. 298). И честный следователь В.М.Руднев, входивший в Чрезвычайную комиссию Временного Правительства, отмечал в своей официальной записке по результатам расследования, что Их Величества были искренне убеждены в святости Распутина, единственного действительного предстателя и молитвенника за Государя, Его Семью и Россию перед Богом» (5, с.153).

Существуют подтвержденные многими свидетелями достоверные факты спасения Распутиным Царевича Алексея от смерти. В 1907 году, когда Наследнику было три года, у него случилось тяжелейшее кровоизлияние в ногу в Царско-сельском парке. Вызвали Григория Ефимовича, он молился, кровоизлияние прекратилось. В октябре 1912 года в Спале — царских охотничьих угодьях Польши Алексей Николаевич после тяжелой травмы был настолько безнадежным, что доктора Федоров и Раухфус стали настаивать на публикации бюллетеней о здоровье Наследника. Но Государыня уповала не на врачей, а только на милость Божию. Распутин был в это время на родине, в Покровском, и по просьбе Государыни Анна Александровна Вырубова послала телеграмму в Покровское. Вскоре пришел ответ: «Бог воззрел на твои слезы. Не печалься. Твой Сын будет жить». Час спустя после получения телеграммы состояние Алексея Николаевича резко улучшилось, смертельная опасность миновала.

В 1915 году Государь, отправившись в Армию, взял Алексея Николаевича с собой. В пути у Царевича началось кровоизлияние носом. Поезд вернули, так как Наследник истекал кровью. Он лежал в детской: «маленькое восковое лицо, в ноз-

дрых окровавленная вата». Вызвали Григория Ефимовича. «Он приехал во дворец и с родителями прошел к Алексею Николаевичу. По их рассказам, он, подойдя к кровати, перекрестил Наследника, сказав родителям, что ничего серьезного нет и им нечего беспокоиться, повернулся и ушел. Кровотечение прекратилось... Доктора говорили, что они совершенно не понимают, как это произошло» (6, с.143-144).

В. кн. Ольга Александровна свидетельствует: «Существовали тысячи и тысячи людей, которые твердо верили в силу молитвы и дар исцеления, которыми обладал этот человек» (29, с.100). Исцеления действительно были у Григория Ефимовича в смиренном обыкновении, все — Господь!

Молитвенное предстояние перед Богом за Наследника — это лишь малая часть служения Распутина своему Государю. Он был сомолитвенник Помазанника Божия за Русское Самодержавное Царство, и ему часто открывались закрытая от очей царских человеческая изощренная хитрость, дьявольская злокозненность. Он предупреждал Царя против многих решений, грозящих бедой стране: был против последнего созыва Думы, просил не печатать думских крамольных речей, в самый канун Февральской революции настаивал на подвозе в Петроград продовольствия — хлеба и масла из Сибири, даже фасовку муки и сахара придумал, чтобы избежать очередей, ведь как раз в очередях при искусственной организации хлебного кризиса начались питерские волнения, умело преобразованные в «революцию». И это лишь толика предвидений Распутиным текущих событий военной и предреволюционной поры 1914-1917 годов. Умея видеть душу человеческую, Григорий Ефимович знал и души и настроения ближайших государевых слуг, и потому видел, что в. кн. Николай Николаевич на посту Главнокомандующего был не просто погибель Армии, но и угроза Царствованию. Распутин настаивал на том, чтобы Император возглавил Армию, и победы не заставили себя ждать.

Проницательность Распутина поражала всех, кому доводилось с ним общаться. По рассказу дочери Григория Ефимовича Варвары, зафиксированному Н.А. Соколовым в 1919 году, однажды на квартиру Распутина пришла женщина. «Отец, подойдя к ней, сказал: «Ну, давай, что у тебя в правой руке. Я знаю, что у тебя там». Дама вынула руку из муфты и подала ему револьвер» (7, с.184).

О том, что Распутин был прозорлив, и прозорливость его, данная ему от Бога, руководила его молитвенным подвигом, известно не только от духовно близких ему людей. Убийца Феликс Юсупов свидетельствовал в отчаянии: «Я занимаюсь оккультизмом давно и могу вас уверить, что такие люди, как Распутин, с такой магнетической силой, являются раз в несколько столетий... Никто Распутина не может заменить, поэтому устранение Распутина будет иметь для революции хорошие последствия» (8, с.532). Возмечтавшие разрушить Трон через «раскачивание общества» враги Царя сосредоточились на очернении Распутина. Была даже созвана особая конференция в 1912 году в Базеле, на которой решено было бросить все силы на дискредитацию сибирского Старца. Воздыхая о тяготах клеветы, Григорий Ефимович пишет митрополиту Антонию (Вадковскому), прекратившему с ним общение: «Все зависит от того, что бываю там у них, Высоких — вот мое страдание» (9, с.268), пишет епископу Антонию (Храповицкому), поверившему в клеветы: «Не обижайтесь. Я вам зла не принесу, а *если в ваших очах пал, то молитесь, молитесь о грешном Григории, а евреи пусть ругают*» (9, с.267).

Епископы и митрополиты, в чьих глазах «пал» оклеветанный старец, конечно, не верили еврейским газетам, но как они могли не поверить епископу Феофану

(Быстрову). К нему на исповедь пришла женщина, открывшая епископу «дурное поведение» сибирского старца. Епископ Феофан, и мысли не допускавший о лжи перед крестом и св. Евангелием, поверил исповеднице, и, взяв на себя грех нарушения тайны исповеди, открыл все Императрице и синодальным митрополитам. О. Феофан оказался в руках клеветников, чего прозорливо ожидал Григорий Ефимович: «Пошлют злых людей, а злой язык — хуже беса — не боится ни храма Божия, ни Святого Причащения, и все святое нипочем» (9, с.484).

Как было оправдываться Григорию Ефимовичу в несуществующих грехах и перед кем? Государь и Государыня воочию видели, каждый день чувствовали его молитвенную помощь и не верили клеветам, а от других — от епископов, от О. Феофана, пренебрегшего тайной исповеди, а женщина та покаялась потом в клевете, — даже Государь с Государыней встречали лишь осуждение и отчуждение, за свою благосклонность к Старцу. И Григорий Ефимович не оправдывался ни перед кем, а только молил Бога, и молитвы эти сегодня остались оправданием его на все времена: «Тяжелые переживаю напраслины. Ужас что пишут, Боже! Дай терпения и загради уста врагам! Или дай помощи небесной, то есть приготовь вечную радость твоего блаженства» (9, с.491). «Ах, несчастный бес восстановил всю Россию, как на разбойника! Бес и все готовят блаженство вечной! Вот всегда бес остается ни с чем. Боже! Храни своих!» (9, с.486).

Неся крест молитвенного предстательства за Царя и Наследника, Григорий Ефимович и их приуготовляет к последнему крестоношению — искупительному подвигу за Россию: «Господь с Вас никогда своей Руки не снимет, а утешит и укрепит... Благодать совершилась на тебе, Царь, и на детях твоих» (9, с.403). Он прикровенно объясняет Царской Семье суть Божьего откровения ему о его служении Царям: «Я покоен, вы научились премудрости от меня, а после будут разные невзгоды, вы будете готовы только потом, это вы увидите и разберетесь» (9, с.404). Он посылает Государю в Ставку свой золотой крест. Дарение креста всегда означало, что вместе с крестом человека наделяют страданиями и скорбями. И этот подарок Григория Ефимовича Государь тогда не стал носить, он передал его Юлии Ден, куда-то затерявшей святыню. После смерти Распутина Государь сам надел на себя его крест и носил его до смерти, памятуя о том первом его пророческом даре.

Шаг за шагом, поднимаясь по лестнице страданий за Христа, Семья Царская вспоминала потом пророчества старца и, понимая, что все эти испытания — от Бога, приуготовлялась к последнему часу. Они вспомнили предсказание Григория Ефимовича о том, что все вместе побывают на его Родине, когда плыли на пароходе мимо Покровского в Тобольск, а потом, когда на лошадях Государь с Государыней и в. княжной Марией Николаевной проезжали через Покровское в Екатеринбург, остановились против дома своего молитвенника. Григорий Ефимович задолго предсказывал это, причем говорил о том не одной только Государыне, а многим, в том числе Юлии Ден: «Они должны приехать. Волей или неволей они приедут в Тобольск. И прежде чем умереть, увидят мою родную деревню» (10, с.96).

Они знали о пророческом утешении, посланном Григорием Ефимовичем их маленькому Алексею и, конечно, предугадывали, о чем оно: «Дорогой мой маленькой! Посмотри-ка на Боженьку! Какие у него раночки. Он одно время терпел, а потом стал силен и всемогущ — так и Ты, дорогой, так и Ты будешь весел, и будем вместе жить и погостить. Скоро увидимся» (9, с.403). Они помнили, как Распутин им обещал, что Царевич Алексей исцелится годам к 13-14, и болеть больше

не будет. Они понимали, что пророчество, записанное за Распутиным Императрицей (оно сохранилось в ее записях), — это об их судьбе: «Господи, поругание рабов твоих, которое я ношу в недрах моем от всех сильных народов. Как поносят враги твои, Господи, как бесславят слезы Помазанника Твоего. О, горе! Скажите нам: мы убили праведника, он не злословил нас, пойдем — покаемся — солнце померкло, и света уж нет! Поздно!» (9, с.501).

И вот такого человека, Царского Друга, в самом главном значении этого слова, всегда духовно соприсутствующего с Царем в его служении Помазанника Божьего, сначала стали убивать духовно — клеветать и травить, и целью травли было оторвать Распутина от Царя, разрушить этот спасительный союз, мощной духовной стеной вставший перед разрушителями России. Многие близкие и дальние, верившие лжи, шли к Государю и Государыне, писали им оскорбительные письма, угрожали, требовали изгнать от себя Распутина! Но разве Государь и Государыня могли сделать это? Разве Петр Великий прекратил бы общение со святым епископом Митрофанием Воронежским по требованию бояр, или, может быть, Александр Третий, повинувшись просьбам питерской интеллигенции, изгнал бы от себя святого Иоанна Кронштадского, которого, кстати, со злобой называли в Петербурге «Распутиным Александра Третьего». Клевета не действовала на Высоких, и Трон по-прежнему оставался нерушим за стеной молитвы старца Григория, но клевета действовала на толпу интеллигентов, на чернь, забывшую любовь к Царям.

Почти все воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине грешат удивительным для воспоминаний недостатком: большинство мемуаристов в глаза не видели Григория Ефимовича или видели его мельком, издали. Но все «воспоминатели», и те, что с симпатией относились к Царской Семье, и те, что высказывали к Ней неприязнь, о Распутине говорили одинаково плохо, повторяя одно и то же: пьяница, развратник, хлыст. А что они знали о нем? Что, кроме слухов, могли сказать о нем думские масоны Павел Милюков и Александр Керенский, поэтесса Зинаида Гиппиус, поэт Александр Блок и английский посол Бьюкенен, если все они, подобно Бьюкенену, в своих мемуарах повторяют: «Я никогда не искал с ним встречи, потому что не считал нужным входить в личные отношения с ним». И, в глаза не видев Распутина, усердно пересказывают слухи. Генерал Сухомлинов видел его лишь раз на севавтопольском вокзале в 1912 году: «Гуляя по перрону взад и вперед, он старался пронизывать меня своим взглядом, но не производил на меня никакого впечатления» (11, с.286). Но это не помешало генералу пересказывать в своих мемуарах все, что он слышал о Распутине, включая и то, что старец повинен в его отставке. Протоиерей Г. Шавельский видел Распутина «два раза и то издали: один раз на перроне Царскосельского вокзала, другой раз в 1913 году на Романовских торжествах в Костроме» (12, с.101). Ничего предосудительного о своих встречах Шавельский вспомнить не мог, но припомнил все небывлицы о Распутине и Царских детях, которые пересказывала ему, «приезжая за советом», воспитательница великих княжон Софья Ивановна Тютчева, психически больная женщина, за что и была удалена от детей. Искренне любившие Царскую Семью генерал В.Н. Воейков и губернатор П. Жильяр тоже не могли похвастаться знакомством с Распутиным. Жильяр вспоминает лишь одну-единственную встречу: «Однажды, собираясь выходить, я встретился с ним в передней. Я успел рассмотреть его, пока он снимал шубу. Это был человек высокого роста, с изможденным лицом, с очень острым взглядом серо-синих глаз из-под всклокоченных бровей. У него были длинные волосы и большая мужицкая борода» (13, с.200). Но разве

«несколько мгновений» могли быть основанием для повторения все того же: «пьяница, хлыст, развратник, управляющий страной»? Книга под именем Жильяра, вышедшая в 1921 году в Вене, имеет двусмысленное название: «Император Николай II и его семья. По личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича». Что значит «по личным воспоминаниям»? Кто-то пересказал воспоминания Жильяра? И где гарантия, что тот, кто писал по воспоминаниям Жильяра, не мог вставить в них что-то от себя, как это случилось во многочисленных переизданиях воспоминаний Анны Александровны Танеевой (Вырубовой) — тенденциозные вставки неизвестных редакторов и масса сокращений наиболее важных мест мемуаров. Дворцовый комендант генерал В.Н. Воейков разговаривал с Распутиным раз, «имея определенную цель — составить о нем свое личное мнение» (14, с.76). Отзыв Воейкова об отце Григории неблагоприятный, хотя ничего плохого во время беседы с ним Воейков не увидел: «Он мне показался человеком проникательным, старавшимся изобразить из себя не то, чем был на самом деле, но обладавшим какою-то внутреннею силою!» (14, с.76). Воейкова поразило несовпадение Распутина, которого он видел, с тем Распутиным, которого по слухам представляло общество, но вот что потрясающе, Воейков предпочел верить слухам, а не собственным глазам.

К счастью, среди мемуаристов есть и другие люди. Генерал П.Г. Курлов в 1923 году в Берлине издал книгу «Гибель императорской России». Генерал никогда не принадлежал к кругу Григория Ефимовича, и ненавистники старца не могут обвинить его в предвзятости, кроме того, он профессиональный полицейский, директор Департамента полиции, начальник Главного тюремного управления, товарищ министра внутренних дел, и опыт общения с людьми преступного мышления и поведения, а именно такой образ Распутина навязан был обществу, у Курлова был громадный, да и причин вступаться за Распутина и Царскую Семью у него после 1911 года не было, ведь с убийством П.А. Столыпина рухнула его собственная судьба и карьера. Курлов описывает Распутина таким, каким сам его видел. «Я находился в министерском кабинете, куда дежурный курьер ввел Распутина. К министру подошел худощавый мужик с клинообразной темно-русой бородкой, с проникательными умными глазами. Он сел с П.А. Столыпиным около большого стола и начал доказывать, что напрасно его в чем-то подозревают, так как он самый смиренный и безобидный человек... Вслед за тем я высказал министру вынесенное мной впечатление: по моему мнению, Распутин представлял из себя тип русского хитрого мужика, что называется — себе на уме, и не показался мне шарлатаном» (15, с.312). «Впервые я беседовал с Распутиным зимой 1912 года у одной моей знакомой,.. Внешнее впечатление о Распутине было то же самое, какое я вынес, когда, незнакомый ему, видел его в кабинете министра... Распутин отнесся ко мне с большим недоверием, зная, что я был сотрудником покойного министра, которого он не без основания мог считать своим врагом... На этот раз меня поразило только серьезное знакомство Распутина со Священным писанием и богословскими вопросами. Вел он себя сдержанно, и не только не проявлял тени хвастовства, но ни одним словом не обмолвился о своих отношениях к Царской Семье. Равным образом я не заметил в нем никаких признаков гипнотической силы и, уходя после этой беседы, не мог себе не сказать, что большинство циркулировавших слухов о его влиянии на окружающих относится к области сплетен, на которые всегда так падок Петербург» (15, с.317). При новой встрече с Курловым «Распутин живо интересовался войной и, так как я приехал с театра военных действий, спрашивал

мое мнение о возможном ее исходе, категорически заявив, что он считал войну с Германией огромным бедствием для России... Будучи противником начатой войны, он с большим патриотическим подъемом говорил о необходимости довести ее до конца, в уверенности, что Господь Бог поможет Государю и России... Из этого следует, что обвинение Распутина в измене было столь же обоснованно, как и опровергнутое уже обвинение Государыни... Несколько раз пришлось мне говорить с Распутиным в последние месяцы его жизни. Я встречался с ним у того же Бадмаева и поражаюсь его прирожденным умом и практическим пониманием текущих вопросов даже государственного характера» (15, с.318).

Итак, клевета не действовала на Царскую Семью, молитвы Распутина были Ей в непрестанное укрепление. Враг Трона и Царской Семьи Феликс Юсупов говорил об этом масону В.И. Маклакову: «Государь до такой степени верит в Распутина, что если бы произошло народное восстание, народ шел бы на Царское Село, посланные против него войска разбежались бы или перешли на сторону восставших, а с Государем остался бы один Распутин и говорил ему «не бойся», то он бы не отступил» (16, с.250). Вот почему решено было убить Царского Друга, оставив Семью в одиночестве и без молитвенной на земле защиты. Но чтобы публично убить старца, чтобы заставить общество захотеть этого убийства, нужно было удесятерить клеветы, нужно было вывалить в грязи светлые лики Царские. Для этого и была изобретена иудейская афера с появлением фальшивой личности — двойника Григория Распутина.

Первые догадки о том, что Царскую Семью компрометировали через двойника Григория Ефимовича, появились вскоре после убийства Старца. Одно из свидетельств тому — рассказ атамана Войска Донского графа Д.М. Граббе о том, как вскоре после убийства Распутина его «пригласил к завтраку известный князь Андронников, якобы обделывавший дела через Распутина. Войдя в столовую, Граббе был поражен, увидев в соседней комнате Распутина. Недалеко от стола стоял человек, похожий как две капли воды на Распутина. Андронников пытливо посмотрел на своего гостя. Граббе сделал вид, что вовсе не поражен. Человек постоял, постоял, вышел из комнаты и больше не появлялся» (17, с.148). Надо ли говорить, что подобный «двойник» мог появляться при жизни Григория Ефимовича в любом «злачном» месте, мог напиваться, скандалить, обнимать женщин, о чем составлялись ежедневные репортажи охочих до грязи газетчиков, мог выходить из подъезда дома на Гороховой и шествовать на квартиру к проститутке, о чем составлялись ежедневные рапорты агентов охранного отделения. Ю.А. Ден вспоминает с недоумением: «Доходило до того, что заявляли, будто бы Распутин развратничает в столице, в то время как на самом деле он находился в Сибири» (10, с.95).

Об одной такой истории с двойником Распутина рассказала в своих воспоминаниях писательница Н.А. Тэффи. В 1916 году Тэффи, тогда сотрудница «Русского слова», писатель В.В. Розанов, работавший в «Новом времени», и сотрудник «Биржевых ведомостей» Измайлов были приглашены на обед к издателю, которому «небезызвестный в литературных кругах» Манасевич предложил «пригласить кое-кого из писателей, которым интересно посмотреть на Распутина» (18, с.223). Любопытствующие писатели явились в назначенный час и увидели «Распутина». «Был он в сером суконном русском кафтане, в высоких лакированных сапогах, беспокойно вертелся, ерзал на стуле, дергал плечом... Роста довольно высокого, сухой, жилистый, с жидкой бороденкой, с лицом худым, будто вытянутым в длинный мясистый нос, он шмыгал блестящими колючими, близко притисну-

тыми друг к дружке глазами из-под нависших прядей масляных волос... Скажет что-нибудь и сейчас всех глазами обегает, каждого кольнет, что, мол, ты об этом думаешь, доволен ли, удивляешься ли на меня?». Писательница сразу же почувствовала всю искусственность этих смотрин. «Что-то в манере Распутина — это ли беспокойство, забота ли о том, чтобы слова его понравились, — показывало, что он как будто знает, с кем имеет дело, что кто-то, пожалуй, выдал нас, и он себя чувствует окруженным «врагами-журналистами» и будет позировать в качестве старца и молитвенника». От этого предположения Тэффи «стало скучно», но оказалось, что «Гришка работает всегда по определенной программе» (18, с.230). Выговорил несколько фальшивых фраз о «божественном»: «Вот хочу поскорее к себе, в Тобольск. Молиться хочу. У меня в деревеньке-то хорошо молиться», затем принялся приставать к госте с настойчивым: «Ты пей! Я тебе говорю — Бог простит!», потом недвусмысленно стал звать к себе, потом велел принести свои стихи, звучащие, запомним это, так: «Прекрасны и высоки горы. Но любовь моя выше и прекраснее их, потому что любовь моя есть Бог», потом собственноручно написал несколько строк «корявым, еле разборчивым мужицким почерком «Бог есть любовь. Ты люби. Бог простит. Григорий». Потом хозяин вдруг озабоченно подошел к Распутину: «Телефон из Царского». Тот вышел и к столу не вернулся.

На этом свидание с двойником Распутина на закончилось. Через три-четыре дня последовало повторное приглашение, «заезжал Манасевич, очень убеждал приехать (прямо антрепренер какой-то! — так восклицает Тэффи) и показывал точный список приглашенных». Большинство из них *не знали друг друга* и пришли только поглядеть Распутина. Как заезженная пластинка, прокрутилась прежняя «программа»: разговоры о «божественном», приставания, скабрезным тоном о Государыне, «хозяин все подходил и подливал ему вина, приговаривая: «Это твое, Гриша, твое любимое», «Распутин» напился, потом ударила музыка. «Распутин вскочил... сорвался с места. Будто позвал его кто... Лицо растерянное, напряженное, торопится, не в такт скачет, *будто не своей волей*, исступленно, остановиться не может». «Голос Розанова. — Хлыст!»... И вдруг Распутин остановился. Сразу. И музыка мгновенно оборвалась, словно *музыканты знали, что так надо делать*» (18, с. 235, 239).

Писательской интуицией Тэффи заподозрила в этих встречах «обдeldывание каких-то неизвестных нам темных, очень темных дел» (18, с.240). Догадка ее нашла подтверждение. Пьяный «Гришка» проговорился, знает, что они журналисты. «Это было очень странно, — удивилась Тэффи. — Ведь не мы добивались знакомства со старцем. Нас пригласили, *нам это знакомство предложили*, и вдобавок нам посоветовали не говорить, кто мы, так как «Гриша журналистов не любит», разговор с ними избегает и всячески от них прячется. Теперь оказывается, что имена наши отлично Распутину известны, а он не только от нас не прячется, но, наоборот, втягивает в более близкое знакомство. Чья здесь игра? Манасевич ли все это для чего-то организовал — для чего неизвестно?» (18, с.238). Это было действительно дело рук еврея Манасевича, только для одного — чтобы литераторы и журналисты засвидетельствовали, что своими собственными глазами лицезрели «живого Гришку» — пьяного, распутного хлыста. «Все мои знакомые, которым я рассказывала о состоявшейся встрече, высказывали какой-то совершенно необычайный интерес. Расспрашивали о каждом слове старца, просили подробно описать его внешность, и, главное, «нельзя ли тоже туда попасть?» — свидетельствовала, как и было задумано Манасевичем, Тэффи (18, с.234).

Устроитель «распутинских» спектаклей еврей Манасевич-Мануйлов был профессиональный мошенник. Задолго до эпопеи с двойником Распутина он, широко афишируя свои связи с высшими кругами, за солидный куш предлагал услуги по протекции разных дел — от разрешения на открытие парикмахерской до ходатайства за заключенного под стражу и назначения на государственную должность. Он демонстрировал молниеносное разрешение просьб, связываясь по телефону то с министром внутренних дел, то с самим Председателем правительства, получая от них телефонные заверения в скором решении вопросов. Выудив у простаков гонорар за свои ходатайства, Манасевич всячески избегал дальнейших встреч с прежними просителями, принимая череду новых. Подобные мошенничества оставались, впрочем, совершенно безнаказанными, так как просители не имели свидетелей обмана, чаще всего ходатайствовали у Манасевича по незаконным делам и не стремились потому выдвигать против него официальные обвинения.

Но когда Манасевич включился в аферу с двойником, он стал получать от мошенничеств двойную выгоду. И его аферы часто удавались благодаря магическому действию имени Царского Друга, и наветы в связи с этим на Распутина усиливались, за что Манасевич, безусловно, получал вознаграждение от заинтересованных лиц. Причем безнаказность была и здесь гарантирована Манасевичу. Ведь в «спектаклях», описанных Тэффи, не было ни одного противозаконного деяния. Двойник никому не представлялся как Григорий Ефимович Распутин, просто созванных гостей загодя предупреждали, что это он самый и есть. Двойник чаще всего не говорил ничего дурного о Царской Семье, но то, что он говорил о своей близости к Ней, позорило Государя и Государыню просто потому, что такой нечестивый мерзавец был вхож к Царю. И потому, случись полиции нагрязнеть на подобную вечеринку и проверить документы у «Гришки», он бы невинно протянул им свой паспорт со своим собственным именем и избежал бы какой-либо ответственности за «спектакль». Безнаказанность делала подобные выходки все более частыми и наглými. История разгула двойника в московском ресторане «Яр» — лучшее тому подтверждение.

26 марта 1915 года Григорий Ефимович приехал и в тот же день уехал из Москвы. Но вот донесение полковника Мартынова, что «по сведениям пристава 2 уч. Суцевской части г. Москвы полковника Семенова», Распутин 26 марта около 11 часов вечера посетил ресторан «Яр» с вдовой Анисьей Решетниковой, журналистом Николаем Соедовым и неустановленной молодой женщиной. Потом к ним присоединился редактор-издатель газеты «Новости сезона» Семен Лазаревич Кугульский. Кампания пила вино, расходившийся «Распутин» плясал русскую, вытворял непристойности, хвастался своей властью над «старухой» (так этот человек именовал Царицу). В 2 часа ночи компания разъехалась. Мартынов прилагает записку «Распутина», отобранную полицией у певицы ресторанного хора. Каракули внешне похожи на распутинские, но почерк не его: «Красота твоя выше гор. Григорий». Обратите внимание на содержание записки. Она прямо переключается с тем, что двойник Распутина написал для любопытной Тэффи: «Прекрасны и высоки горы. Но любовь моя выше и прекраснее их». Совпадение вряд ли можно назвать случайным, оно — свидетельство того, что и в ресторанном кутеже, и на встрече с литераторами роль Распутина исполнял один и тот же человек, очень похожий на старца. Записка была единственным «документом» в деле о кутеже в «Яре». Никаких свидетелей и никаких участников «оргии». Поэтому Императрица совершенно справедливо писала Государю: «Его (старца Григория)

достаточно оклеветали. Как будто не могли призвать полицию немедленно и схватить Его на месте преступления» (19).

Итак, в московском ресторане «Яр» гулял «двойник» Распутина с подставной компанией, и все разыгрывалось по обыкновению: пьянство, приставания к дамам, упоминания о Царской Семье, хлыстовская пляска. И если бы полиция была вызвана тогда же — открылось бы, что Распутин — не настоящий, и Анисья Решетникова, благочестивая купеческая вдова 76 лет, никогда не была в ресторане. А вот еврей-газетчик Семен Лазаревич Кугульский был личностью подлинной, и скорее всего являлся антрепренером «оргии». Это он постарался, чтобы дело о кутеже в «Яре» попало в печать еще до расследования и обросло непристойными подробностями. Вслед за этим Государственная Дума подготовила запрос о событиях в ресторане «Яр», потом не дала ему хода, намеренно распространяя вымысел, что Думе запрещено делать этот запрос, так как Царская Семья «боится правды». И пошла-поехала злословить досужая чернь — пьяный, развратный мужик — любимец Царской Семьи!

Вот так, обдуманно и нагло, был введен в общество двойник Григория Ефимовича Распутина. И хотя поступки двойника, его слова, записки, сама внешность — длинный мясистый нос, жидкая борода, беспокойные, бегающие глаза — весьма отличались от благообразного облика Григория Ефимовича, но двойник настойчиво выдавался и, главное, охотно принимался за Молитвенника и Друга Царской Семьи.

Остановимся на так называемых «записках» Распутина, немало послуживших фальсификации его личности. Перед нами два письма в газету «Русское слово», адресованные, как гласит корявая надпись на конверте, «Праправеднику приткamu Григорию Спиридоновичу Петрову и Ледахтору Руцкаго Слова отъ Гришатки Распутина изъ села Пакровскаго изъ Тобольской губернии» (20).

В описях эти письма значатся как подлинные, принадлежащие руке Григория Ефимовича. Однако при первом же внимательном чтении два важнейших обстоятельства заставляют сразу же усомниться в их подлинности. Во-первых, автор писем, хотя и стилизует свой почерк под неумелые каракули малограмотного крестьянина, и подделывая почерк под простонародный, старается писать буквы не ровно в строку, а прыгающими невпопад, с нажимом, специально кривит мачты букв, петли у букв рисует неокруглыми, буквы не имеют наклона вправо, как это бывает у скорописных грамотных почерков, одним словом, фальсификатор демонстрирует непривычку руки к письму, хотя даже в этой стилизации под «мужичка» весьма умело выписаны каллиграфические ж, х, ь. Такому их начертанию без гимназических уроков чистописания не выучиться.

Но порой автор подделки нечаянно сбивается на свой обычный почерк, и тогда мы видим в письмах уверенную руку интеллигента, привычного к письменной работе. У букв в словах появляется сильный наклон вправо, они обретают округлость форм, петли у д, у становятся удлинено-округлыми, слова записаны ровно в линию, без прыгающих букв. Особенно профессионально выписаны буквы ь, ять, т, и, н, те, что формируют основу скорописи. Если сопоставить эти письма с документами, доподлинно принадлежащими руке Григория Ефимовича, то даже беглый обзор особенностей почерка самого Распутина показывает его абсолютное несходство с фальшивками. Подлинный почерк Распутина хотя и неровный, с ученическим нажимом, буквы пишутся неслитно, но начертания в нем весьма уверенные, вариантов написания одной и той же буквы практически не встречается.

Второе обстоятельство, позволяющее нам утверждать, что письма написаны не рукою Григория Распутина, — это исправления букв по всему тексту, с тем, чтобы ухудшить почерк и сделать письма «малограмотными». Фальсификатор перерисовывает буквы в словах *усяко*, *наковыряль*, *ведь*. В грамотно написанные слова он вставляет ошибки: *ходить* — *хадить*, *ругаться* — *ругатца*, *отправимся* — *отправимсе*. В старании изобразить нечто очень «народное» автор подложных писем даже придумывает несуществующее слово — *естимь*.

О подлоге говорит и неумелая имитация народного языка в письмах. Вот эти маловразумительные «цидулки», старательно напищенные просторечными оборотами.

Письмо 1-е. «И какъ тебе Гриша нестыдно ругатца кады ты меня естимъ ать обчества удаляешъ енъ отъ естова легче только экъ ты. Какой же ты палитикъ съ палитиками изъ руцкаго слова. Чай ты знашь у безымныхъ хватить безумства. Ты смотри светикъ не тисни ужъ Гришатку если он опросто волосится, опростоволосился печатно. Еп. Грщька Распутинъ»

Письмо 2-е. «Грише Петрову Что, Гриша, ты, ругаешся такъ съ саблями хочешъ хадить — стало быть саблеромъ быть тоже енъ хочешъ — то може скоро попадешъ. Енъ может усяко бывываешъ. Ежель у каго пратекція въ Ручкомъ словъ печатается. Гришки нъ просятъ Гришекъ не пастеснятъся ерыкать «саблями» за руспутство и ахъ Гриша Гриша, не смущайся Ведь не просить же мнъ у тебя прощения кагда ты меня ведь уже истинно совершенно напрасно пыряешъ да еще так даже что в ужасъ меня всего просто бросаешъ. Когда от енъ отъ мяне многое независитъ Ты де ведь енъ многое не знаешъ а прытко норовишь Я же тебе зла не желаю самъ-то я дюже въ надеже даже енъ было, что тебе силы не хватило такъ дергать. А ты жъ озлобился такъ что дажить въ смрадь каком-то съ козявками страшнымъ меня запечаталъ. Смотри богъ тебя Самъ за это хватить. Я тебе грожу ничего и только совестью и истиной. И не отрицайте что где наковыряль здесь. Богъ-то въсурьезъ ковырнетъ всего какъ ты тутъ не пробничай съ саблями что жъ можно ходить так едак и вотъ едакъ с другого конца можно тоже. Село Покровское Тобольской губернии. Гриша Распутинъ».

Григорий Ефимович Распутин говорил на западно-сибирском диалекте, и среди характерных черт его произношения не было ни форм *усяко*, что значит *всяко*, ни ярко являющегося *мяне*, это скорее белорусские языковые черты. Местоимение *онъ* Григорий Ефимович произносил как [он], а не так, как пишется в письмах и свойственно только западновеликорусским и белорусским говорам — *енъ*. Причем это самое *енъ* употребляется как присказка, имитирующая просторечие «мужичка».

Автор подлога постарался насытить текст народными словами — *надежа*, *едак* и *вот едак* и с другого конца, *ежель*, *ерыкать*, *пырять*, *дюже*, на конверте он искажает слово *редактор* — *ледактор*, название газеты *Русское Слово* изображает как *руцкое слово*. Но Григорий Ефимович, если судить по его подлинным письмам и телеграммам, редко использовал просторечные слова, речь у него была простая, но не малограмотная, она не пестрела областническими словами, если они и употреблялись, то изредка и скупо.

Итак, исследование языка и почерка писем, якобы написанных рукою Григория Распутина, доказывает его непричастность к их созданию. Внимательное чтение этих фальшивок позволяет представить их автора. Этот человек не филолог и не писатель, так как с лингвистической и стилистической точки зрения письма

сфабрикованы неумело, а скорее всего журналист, знакомый с народной русской речью по ее белорусскому или западновеликорусскому наречию.

Мы установили подложность только двух писем, написанных от имени Григория Распутина. Они до сих пор числятся в каталогах как принадлежащие ему. Но фальшивые записки с широко известным «милай, дарагой, памаги» сотнями ходили по рукам в Петербурге, расходились по правительственным кабинетам. Ни один чиновник, получивший от просителя-мошенника такую записку, не знал ни действительного почерка Распутина, ни его самого, надо думать, что хорошо знакомых Распутину министров Штюрмера и Протопопова аферисты не посещали. И какая же буря негодования должна была взметнуться в душе высокопоставленного лица, получившего невозможную по наглости просьбу мошенника, с подобным сопроводительным письмом «от Гришки». И эта буря негодования немедленно распространялась на Государя, чего и добивались еврейские аферисты.

Так, кн. Жевахов засвидетельствовал в своих воспоминаниях, как некто Добровольский, ссылаясь на Григория Ефимовича, желал «быть назначенным на должность вице-директора канцелярии св. Синода». Когда Жевахов выразил справедливое возмущение Распутину, то с изумлением услышал от него: «Вольно же министрам верить всякому проходимцу... Вот ты, миленькой, накричал на меня, и того не спросил, точно ли я подсунул тебе Добровола... А может быть он сам подсунулся да за меня спрятался... Пушай себе напирает, а ты гони его от себя» (21, с.186).

Именно благодаря существованию двойника со страниц отчетов охранного отделения предстают два Распутиных: один — благочестив, благолепен, богомолен, ходит в храмы, отстаивает литургии, ставит свечи, ездит на квартиры исцелять больных, принимает просителей, духовных детей, трапезует с ними, причем, как отмечают все действительно близкие ему люди, ни вина, ни мяса, ни сладкого отец Григорий в рот не берет. Строжайшее воздержание. Деньги, пожертвованные просителями, тут же раздает другим просителям. И, главное, к Императорской Семье почтителен до благоговения. Другой «Распутин» — неделями пьян, посещает блудниц, берет взятки за протекции, скандалит в ресторанах, бьет там посуду и зеркала, говорит дурное о Царской Семье.

Придет время, и откроются новые документы, которые окончательно докажут нам, что темную личность, внешне напоминавшую Григория Ефимовича Распутина, создали враги Самодержавного Русского Царства.

Фальсификация убийства — замаскированный ритуал

Не только жизнь Григория Ефимовича исказили, оклеветали, сфальсифицировали, но и смерть его мученическую оболгали. Умышленно запутали историю страшной смерти, и все это делалось и продолжает делаться только для одного — сокрыть ритуальный характер убийства.

Масса противоречий в описании обстоятельств убийства Григория Ефимовича Распутина, в тех свидетельствах, которые принято считать документами. Так называемый дневник В. Пуришкевича с записями о подготовке и осуществлении убийства Распутина был опубликован в 1923 году уже после смерти самого Пуришкевича. Стиль дневника поражает хвастливой выпендренностью, словно автор писал его не для себя, а для публики, иначе чем объяснить, почему Пуришкевич в

своим собственном дневнике то и дело клянется в своей любви к Царю, к Родине, сам себе объясняет подробности собственной жизни, например, что жена его и сыновья служат в его санитарном поезде, или описывает интерьер собственной квартиры. В то же время понятно, что дневник написан много позже убийства Распутина, хотя даты его — от 19 ноября до 19 декабря 1916 года — говорят вроде бы о текущих событиях. На самом деле было бы совершенным безумием писать о подготовке убийства, о его осуществлении, сокрытии следов в эти же самые дни, называть всех участников злодейства, даже собственную жену делать соучастницей тягчайшего из преступлений. Ведь неминуемое расследование и естественный в таких случаях обыск мог бы открыть дневник, обличить заговорщиков. Так что в любом случае, кто бы ни был автором дневника, сам ли Пуришкевич или кто-то иной под его именем воссоздал канву событий, документ этот возник много позже убийства, очевидно, уже после свержения Государя с Престола, ведь 4 марта 1917 года министр юстиции Керенский приказал дело об убийстве Распутина прекратить, и опасность уголовного преследования по этому делу миновала.

Воспоминания Ф.Ф. Юсупова, другого участника убийства, вышли из печати значительно позже дневника Пуришкевича — в 1927 году. В последующих изданиях своих мемуаров несмотря на разные редакции и дополнения, в повествовании об убийстве Распутина Юсупов точно следует за сюжетной канвой, изложенной в дневнике Пуришкевича. Свидетельства двух убийц Григория Распутина практически ни в чем не противоречат друг другу. Но эти два документа, столь согласные между собой в описании обстоятельств убийства Григория Ефимовича, не совпадают в важных деталях с документами следствия по делу об убийстве Распутина, известными из воспоминаний С.В.Завадского, в 1916 году состоявшего в должности прокурора Петроградской судебной палаты, и из экспертного заключения профессора Д.Н. Косоротова, проводившего вскрытие убитого. Сопоставление истории убийства Григория Распутина по Юсупову с Пуришкевичем, с одной стороны, и по данным следствия, с другой, заставляют нас предположить, что убийцы-мемуаристы намеренно исказили события в своих воспоминаниях.

Первое, что вызывает недоумение, — очевидная неосведомленность Пуришкевича с Юсуповым, во что был одет Григорий Ефимович в ночь убийства, какая одежда была у него под шубой, будто бы он и не раздевался в столовой особняка Юсупова, как они сами об этом пишут. Пуришкевич утверждает, что Распутин был одет в сапоги, бархатные навыпуск брюки, *шелковую рубашку кремового цвета, расшитую шелками* (22). Юсупов вторит ему, что на Григории Ефимовиче были сапоги, бархатные брюки и *белая шелковая рубашка, вышитая васильками* (23). Прокурор же судебной палаты Завадский свидетельствует: убитый был одет в *голубую шелковую рубашку, вышитую золотыми колосьями* (24, с.240). На руке у него был золотой браслет с царской монограммой, на шее золотой крест, и хотя браслет и крест — яркая и запоминающаяся деталь, но об этом убийцы не обмолвились ни словом. О голубой шелковой рубашке, в которую был одет Григорий Ефимович в преддверии своего смертного пути, свидетельствовала на допросе и Екатерина Печеркина, служанка в доме Распутиных, видевшая Григория Ефимовича последней поздней ночью, когда за ним приехал Феликс Юсупов (25, с.76).

Еще более значимое несоответствие мемуаров с материалами следственного дела в том, как был убит Григорий Ефимович. Пуришкевич видел, что Распутин получил три огнестрельных ранения: Юсупов выстрелил ему в *грудь, в область*

сердца, после чего прошло более получаса, и убитый будто бы ожил, кинулся во двор, где Пуришкевич выстрелами *в спину* и, как ему «показалось», *в голову*, сразил жертву. Как стрелял Пуришкевич во дворе, Юсупов, по его словам, не видел, он только подтверждает, что убил Распутина в столовой выстрелом *в грудь, в область сердца* (23, с.202).

Но подлинные документы следствия полностью исключают выстрел в сердце, в них сказано, что Григорий Ефимович убит тремя смертельными выстрелами — *в печень (в живот), в почки (в спину) и в мозг (в голову)* (26, с.239). О смертельных ранениях отца Григория упоминает и Юлия Ден, которая знала о них из разговоров с Императрицей и А.А. Вырубовой в Царском Селе: «Григорий Ефимович был ранен в лицо и в бок, на спине у него было пулевое отверстие» (10, с.74-79). Судебно-медицинские эксперты утверждали, что с первым же ранением, в печень, человек может прожить *не более 20 минут*, следовательно, не могло быть временного отрезка от получаса до часа, после которого убитый «воскрес» и кинулся бежать, как не было вообще никакого выстрела в область сердца в столовой, о котором единогласно утверждали оба участника убийства.

Приведем заключение судмедэксперта профессора Д.Н. Косоротова: «При вскрытии найдены *весьма многочисленные повреждения, из которых многие были причинены уже посмертно*. Вся правая сторона головы была раздроблена, сплющена вследствие ушиба трупа при падении с моста. Смерть последовала от *обильного кровотечения вследствие огнестрельной раны в живот*. Выстрел произведен был, по моему заключению, почти в упор, слева направо, через желудок и печень с раздроблением этой последней в правой половине. Кровотечение было весьма обильное. На трупе имелась также *огнестрельная рана в спину, в области позвоночника, с раздроблением правой почки, и еще рана в упор, в лоб* (а не сзади в голову, как пишет Пуришкевич! — Т.М.), вероятно уже умиравшему или умершему. Грудные органы были целы и исследовались поверхностно, но никаких следов смерти от утопления не было. Легкие не были вздуты, и в дыхательных путях не было ни воды, ни пенистой жидкости. В воду Распутин был брошен уже мертвым» (26, с. 307-308). Свидетельство профессора Косоротова показывает, что Григорий Ефимович долго и мучительно истекал кровью, но об этой колоссальной кровопотере ни слова у Юсупова с Пуришкевичем. Следов крови, согласно их мемуарам, было не много.

Не совпадают свидетельства Пуришкевича-Юсупова с официальным расследованием и в том, как топили тело убитого. Пуришкевич утверждает, что тело Распутина *обернули синей тканью и крепко связали, и так сбросили с моста в Невку* (22). *Шубу и один бот* сбросили след за телом, обернув в шубу гири и цепи, приготовленные для утопления жертвы, но второпях забытые в машине. Сжечь шубу в вагоне санитарного поезда, как замышлялось, не удалось, шуба не влезла в вагонную печь, а резать ее на куски жена Пуришкевича почему-то наотрез отказалась. Второй бот, отмечает Пуришкевич, остался в столовой особняка Юсупова. Сам же Юсупов, не присутствовавший при утоплении, пересказывает с чужих слов, что *«все тело было завернуто в накиннутую на плечи бобровую шубу», «руки и ноги Распутина были плотно связаны веревками»* (23, с.202).

Теперь читаем материалы следствия. «Нашел труп простой городской, на мосту... он увидел следы крови, а под мостом, у края значительной по размерам полыньи, лежала зимняя высокая калоша, городской... в шагах ста от полыньи заметил подо льдом, с поверхности которого снег был сдунут ветром, какое-то

большое черное пятно: этим пятном и оказался Распутин *в шубе и об одной калоше*, застрявший на отмели» (24, с.237). О том, что *Распутин во время убийства был в шубе и в одной калоше* (другая калоша слетела с ноги при падении тела с моста), свидетельствуют и фотографии убитого, единственные, сохранившиеся в следственном деле, все остальные документы из него исчезли.

И Юсупову, и Пуришкевичу зачем-то надо доказать, что Распутин, раздевшись, долго, целых два часа, сидел в столовой Юсупова, там же был смертельно ранен, и затем добит во дворе Юсуповского дворца. Но тогда, основываясь на материалах следствия, придется допустить невозможное, что убийцы, проведя рядом с жертвой больше двух часов, не запомнили цвета рубахи, в которую Григорий Ефимович был одет, не обратили внимания, куда попала первая пуля, в живот или в грудь, что после смертельного выстрела одели свою жертву в шубу и обули в калоши, потом убежавшего догнали и добились во дворе, и тогда уже повезли труп топить.

Однако готовность Пуришкевича с Юсуповым принять на себя человекоубийство подействовала на прокурора Завадского заволашевающе, и он лишь с некоторыми поправками, которые диктовали ему очевидные факты следствия, цвет рубахи, время убийства, характер ранений, принял на веру версию Юсупова и Пуришкевича: «Если эксперты правы, тогда приходится думать, что убийство произошло так: первый выстрел был произведен в Распутина спереди, когда он стоял в кабинете князя Юсупова, раненый Распутин повернулся и выбежал во двор через боковую дверь, вслед ему был дан второй выстрел, ранивший его сзади, Распутин имел однако достаточно силы, чтобы добежать до решетки, но там, по-видимому, упал, и тогда кто-то подошел к нему и покончил с ним выстрелом в затылок» (24, с.239). Завадский силится соединить факты следствия и признания убийц и оттого у него «выстрел в затылок», хотя посмертная фотография Григория Ефимовича свидетельствует об огнестрельной ране во лбу, это же подтверждено экспертизой профессора Косоротова и воспоминаниями Юлии Ден.

Почему же Пуришкевич и Юсупов обнаруживают свою неосведомленность в самых очевидных вещах, которые засвидетельствованы следствием? Ключ к разгадке может быть найден в следующем факте, удостоверенном прокурором Завадским на основании изучения следственного дела: «В ночь убийства, не позже часа, за Распутиным... заехал на автомобиле в одежде шофера князь Юсупов и увез его с собою, **но не прямо к себе**, потому что убит Распутин был два часа спустя, а убили его, по-видимому, едва лишь он появился в княжеском дворце» (24, с.240).

Что же происходило в эти два ночных часа, которые Пуришкевич с Юсуповым старательно пытаются заполнить вымыслом о чаепитии с Григорием Ефимовичем и угощении его вином и пирожными, отравленными цианистым калием? Эксперт-медик Косоротов установил, что тело Распутина было подвергнуто истязаниям и изощренным пыткам — пробитая в нескольких местах голова, вырванные на голове клочья волос, страшная рана на виске и сделанная каким-то особым орудием вроде шпоры рваная рана в боку, следы побоев на лице и по всему телу. Юсупов с Пуришкевичем опять же очень старательно пытались убедить всех, что это именно они били уже мертвого человека в припадке бешенства. Но профессор Косоротов убежден, что **не все удары** наносили по мертвому телу. Министр внутренних дел А.Д. Протопопов, по поручению Государыни контролировавший ход следствия, в беседе с сотрудником газеты «Новое время» Я.Я. Наумовым сле-

дал очень важное, ключевое для понимания произошедшего заявление: «Это не просто убийство, ... участвовали озлобленные люди, *превратившие убийство в пытку*» (27, с.6).

Прижизненные истязания Григория Ефимовича Распутина — установленный следствием факт, и именно их пытались скрыть Пуришкевич с Юсуповым, готовые даже взять на себя глумление над мертвым.

Стремление Пуришкевича с Юсуповым все взять на себя настолько бросалось в глаза, что становится очевидным: этот настойчивый самооговор — от великого желания прикрыть других участников убийства старца. Они утверждают, что с часу до четырех ночи Распутин находился у Юсупова в особняке, но не знают, как он был одет и куда ему были нанесены выстрелами смертельные раны, один из выстрелов приписал себе Феликс Юсупов, два других взял на себя Пуришкевич. Они доказывают, что выстрелы были произведены в течение часа, хотя уже с первой раной в живот человек не прожил бы и 20 минут, а все три ранения — прижизненные. Пуришкевич и Юсупов говорят, что тело Григория Ефимовича было связано по рукам и ногам уже после смерти, чтобы скрытнее везти его в автомобиле и легче топить в реке, но на посмертных фотографиях из следственного дела отчетливо видны на запястьях рук Григория Ефимовича обрывки веревок, стягивавших руки, как наручники, ему еще хватило сил разорвать веревки, сопротивляясь извергам, и поднять правую руку для последнего крестного знамения. Связанный для долгих истязаний, он и убит был связанным, в попытке освободиться из стянувших руки и ноги веревок, но где это было — в Юсуповском ли доме на Мойке, или в каком ином злодеями приготовленном месте, нам, видимо, уже не узнать. Юсупов и Пуришкевич не могут внятно объяснить, как шуба и боты, «снятые» с Распутина в подвале, вновь оказались на нем, когда тело нашли подо льдом. На посмертных фотографиях убиенный Григорий Ефимович лежит на льду в одной рубахе, шуба, разрезанная и снятая с тела, горой громоздится рядом. Объяснить столь вопиющие разногласия мемуаров со следственными фактами можно только одним — ни Пуришкевич, ни Юсупов не были настоящими убийцами, они лишь соучастники, а то и вовсе подстава для маскировки ритуального характера убийства.

О ритуально исполненном убийстве Император и Императрица должны были знать или догадывались, поэтому судебно-медицинскую экспертизу поручили именно профессору Военно-Медицинской Академии Д.Н. Косоротову, выступавшему экспертом по делу о ритуальном убийстве Бейлисом христианского мальчика Андрюши Ющинского. Государю была очевидна лишь косвенная причастность к смерти Григория Ефимовича тех, кого весь Петербург поздравлял с «патриотическим актом». Вот запись из дневника Императора: «В 9 часов поехали всей семьей мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 декабря *извергами в доме Ф. Юсупова*, уже стоял опущенным в могилу» (28, с.616). Государь, обратим внимание, не назвал убийцами тех, кто ими назвался сам, но говорит об *извергах*, подчеркнув изуверский характер убийства. Он и наказал подставных убийц символически, выслав Феликса Юсупова в Курское имение и отправив в. кн. Дмитрия Павловича в действующую армию в Персию, а Пуришкевича, уехавшего 17 декабря со своим санитарным поездом на фронт, наказание не постигло вовсе. Эта безнаказность, безусловно, встревожила подлинных убийц, ожидавших теперь дальнейших следственных действий против себя, и, понимая

всю непрочность обвинений против самозванных убийц, они в дальнейшем постарались тщательно укрыть следы ритуального преступления, сразу же после свержения Императора торопливо сожгли тело мученика Григория.

Основанием предположения о ритуальном характере убийства как для Царя, так и для всякого христианина, знакомого с иудейскими ритуальными злодействами, являлись сами обстоятельства преступления — прижизненные мучения, туго связанные руки и ноги, большая кровопотеря, а затем мгновенная смерть и утопление тела в воде, не упрятывание его, не захоронение, а именно утопление, причем осуществленное отступниками-христианами, на которых впоследствии и указывается как на настоящих убийц.

И Дмитрий Павлович, и Юсупов, по свидетельству в. кн. Александра Михайловича, признались ему, «что принимали участие в убийстве, но отказались, однако, открыть *имя главного убийцы*» (29, с. 226). Позже, когда Феликс Юсупов пересказывал знакомым обстоятельства убийства Распутина с никогда не бывшим выстрелом в сердце, его спросили: «Неужели у Вас никогда не бывает угрызений совести? Ведь Вы все-таки человека убили? — Никогда, — ответил Юсупов с улыбкой. — Я убил собаку» (30, с.218). И князь не лжет, он действительно убил собаку из собственной псарни, чтобы скрыть следы человеческой крови или, наоборот, имитировать убийство Распутина во дворе собственного дома. Но проходит несколько лет, появляется дневник Пуришкевича, и в нем очевидное стремление «застолбить» определенную версию убийства, по которой на Григория Ефимовича напали именно христиане, представители высочеродного дворянства и члены Императорской фамилии. Через три года после обнародования дневника Феликс Юсупов опубликовал свои мемуары под названием «Конец Распутина», где в точности воспроизвел обстоятельства убийства, описанные уже Пуришкевичем, но полностью игнорировал материалы следствия, известные к тому времени по публикации прокурора Завадского.

Следствие по делу об убийстве Григория Ефимовича Распутина длилось всего два с небольшим месяца, и было спешно прекращено 4 марта 1917 года. Тело мученика Григория было торопливо сожжено в ночь с 10 на 11 марта, на месте сожжения начертана на березе символичная надпись на немецком языке: «Hier ist der Hund begraben» («Здесь погребена собака») и далее «Тут сожжен труп Распутина Григория в ночь с 10 на 11-е марта 1917 года» (31, с.7).

В журнале «Былое» за 1917 год, вышедшем вскоре после свержения Императора с Престола, опубликованы материалы следствия по делу об убийстве Григория Ефимовича Распутина, но лишь протоколы допросов Юсупова, домашних Григория Ефимовича, дворников, городских, швейцаров. Судебно-медицинская экспертиза и заключения следователей в опубликованных материалах отсутствуют. В дальнейшем возвращение к этой теме в литературе и исторических исследованиях сводилось к тому, чтобы уверить всех в истинности слов Пуришкевича с Юсуповым.

Свершившееся в ночь на 17 декабря 1916 года злодеяние явилось прообразом грядущего Екатеринбургского мученичества в ночь на 17 июля 1918 года. «О, это ужасное 17-е число, — писала Государыня из ссылки близким». И правда, 17 октября 1907 года был дан злосчастный Манифест, 17 декабря 1916 года был умучен до смерти старец Григорий, 17 июля были злодейски убиты Государь Николай Второй и Его Семья. Выстрелы и изощренное мучительство, нанесение детям колотых и резаных ран, утопление тел в воде шахты, а после извлечение

тел, обливание их бензином и сожжение на чудовищных ритуальных кострах, и над всем этим зловещая надпись, перифраз из Гейне на немецком: «Belsatzar ward in selbiger Nacht von seinen Knechten umgebracht» («В эту самую ночь Белый Царь был убит своими подданными») и рядом каббалистическая надпись: «Здесь по приказу тайных сил Царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы».

Через все, что претерпела Царская Семья, прежде прошел Их Молитвенник. И он был исколот штыками, ножами и «шпорами», и он был троекратно убит. Тело утоплено в стылрой невиской воде, а после облито бензином и сожжено. И оставлено две удостоверяющие ритуальную казнь надписи, одна из которых на немецком. Ни от Григория Ефимовича, ни от Святых Царственных Мучеников не осталось могил, а о том, что конец их будет един, Государыня знала из предсказания старицы, бросившей ей под ноги *восемь* кукол, облив их красной жидкостью, запалив взметнувшийся с пола жадный костер.

Поруганием и смертью Григория Ефимовича Распутина иудеи и их приспешники добивались сразу очень многого. Через поношение имени Царского Друга предавалось поношению имя самого Государя Императора. Народ изумлялся скверне, якобы окружавшей Царя и Царицу, и переставал верить в богодержавность самой Царской власти. Одновременно иудейское поругание Григория Ефимовича имело целью, чтобы в его недостойнство поверил Государь, поверил бы и отверг от себя Старца. А когда не удалось убить Григория Ефимовича духовно, осквернить его в очах Царевых, его убили физически, ибо без этой гибели иудейский кагал не смог бы одолеть Русского Царя.

Источники:

- (1.) Протоколы допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в янв.-февр. 1920 г. // Архив русской революции. — Т.10. — М. — 1991.
- (2.) Биржевые ведомости, 1914, 14 июля.
- (3.) Допрос Маклакова В.А. Соколовым Н.А. // Расследование цареубийства. Секретные документы. — М. — 1993.
- (4.) Воррес Йен. Последняя великая княгиня. — М. — 1998.
- (5.) Записка Руднева В.М. «Правда о русской Царской Семье и темных силах» // Российский Архив. — М. — 1998.
- (6.) Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни. — М. 2000.
- (7.) Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919-1920 гг.// Расследование цареубийства. Секретные документы. — М. — 1993.
- (8.) Допрос Маклакова В. А. Соколовым Н.А. // Расследование цареубийства. Секретные документы. — М. — 1993.
- (9.) Гроян Т.И. Мученик за Христа и за Царя. — М. — 2000.
- (10.) Ден Ю.А. Подлинная Царица. — М. — 1998.
- (11.) Сухомлинов В.А. Воспоминания // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. — М. — 1997. — Т.2.
- (12.) о. Георгий Шавельский Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. — М. — 1997. — Т.2.

- (13.) Жильяр П. Император Николай II. По личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. — М. — 1997. — Т.2.
- (14.) Воейков В.Н. С Царем и без Царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II. — М. — 1994.
- (15.) Курлов П.Г. Гибель императорской России // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. — М. — 1997. — Т.2.
- (16.) Допрос Маклакова В.А. Соколовым Н.А. // Расследование царевубийства. Секретные документы. — М. — 1993.
- (17.) Родзянко М.В. Крушение империи. — Харьков. — 1990.
- (18.) Тэффи Н.А. Распутин. Воспоминания. // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. — М. — 1997. — Т.2.
- (19.) Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. — М. — 1996.
- (20.) РГБ, фонд 251, 25, 61.
- (21.) Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. — М. — 1993.
- (22.) Пуришкевич В.М. Дневник // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. — М. — 1997. — Т.4.
- (23.) Юсупов Ф.Ф. Конец Распутина (воспоминания) // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. — М. — 1997. — Т.4.
- (24.) Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. — Т.8. — М. — 1991.
- (25.) Былое, 1917, N1.
- (26.) Платонов О.А. Пролог царевубийства. — М. — 2001.
- (27.) Последний министр старого правительства // Новое время. — N14731. — 19 марта/1 апреля 1917.
- (28.) Дневник Императора Николая II. — М. — 1991.
- (29.) Александр Михайлович в.кн. Книга воспоминаний // Николай II. Воспоминания. Дневники. — Спб. — 1994.
- (30.) Мельник-Боткина Т.Е. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. — М. — 1993.
- (31.) Купчинский Ф.П. Как я сжигал Григория Распутина // Солнце России. — N369-11. — 1917.